

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.4.9>

UDC 94(470.6)“1920”

LBC 63.3(2)613:63.3(2)614(235.7)

Submitted: 29.03.2019

Accepted: 19.05.2019

**RASKAZACHIVANIE AS A POLICY AND SOCIAL PROCESS
IN THE DON REGION IN THE 1920s**

Alexander P. Skorik

Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article reveals ambiguity and illegitimacy of using the verbal (textual) expression (definiens) defining the content of “decossackization” concept (depriving the Cossacks of independent political and military rights) in scientific literature and journalism as identical to genocide in relation to the chronological period of the 1920s. **Methods and materials.** The author uses known and rare, including archival, historical sources. The article does not deny the social unraveling process that was going on at the time, but the author attempts to prove the absence of total decossackization throughout the 1920s due to preparing and implementing by the ruling party of the Bolsheviks their “face to Cossacks” policy in the middle of this decade as a forced search of a political union with the Cossacks by the government agencies. The socio-demographic statistical data for the period of the late 1920s summarized by the quota (local) representative sample and attracted by the article indicate the absence of negative population dynamics, including the Cossack population, which leads to the conclusion that the red power did not use terror and genocide against the Cossacks massively in the designated period of time, and, accordingly, the Bolsheviks did not carry out a large-scale decossackization policy. **Analysis and results.** The decisions made at the end of 1924–1925, along with many other measures taken by the authorities (supporting repatriation of the Cossacks, amnesty for repatriates, creating territorial military units, etc.) during the decade under consideration, give reason to talk about a certain truncation of the decossackization social class practice in the 1920s. Historically, the decossackization issue goes back to the 19th century, and is not the exclusive policy of the Soviet government. Moreover, there are four main sides in this complex process: political, social, economic and spiritual-corporate one, which requires conducting additional research of this scientific problem today.

Key words: Bolsheviks, Cossacks, population, raskazachivanie, village council, sloboda, stanitsa, khutor.

Citation. Skorik A.P. Raskazachivanie as a Policy and Social Process in the Don Region in the 1920s. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 4, pp. 102-113. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.4.9>

УДК 94(470.6)“1920”

ББК 63.3(2)613:63.3(2)614(235.7)

Дата поступления статьи: 29.03.2019

Дата принятия статьи: 19.05.2019

**РАСКАЗАЧИВАНИЕ КАК ПОЛИТИКА И СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС
НА ДОНУ В 1920-е ГОДЫ**

Александр Павлович Скорик

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М.И. Платова,
г. Новочеркасск, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе известных и редких, в том числе архивных, исторических источников раскрывается неоднозначность и неправомерность применения в научной литературе и публицистике определяющего содержание понятия «рассказачивание» словесного (текстуального) выражения (дефиниенса) как тождественного геноциду по отношению к хронологическому периоду 1920-х годов. Не отрицая продолжающегося в эти годы социального процесса рассказачивания, автор предпринимает попытку доказать отсутствие тотального рассказачивания на протяжении 1920-х гг., ввиду подготовки и осуществления правящей партией большевиков в середине указанного десятилетия политики «лицом к казачеству», расширительно интерпретируемой исследователем в качестве вынужденного поиска властными структурами политического союза с казачеством. Принятые решения в конце 1924–1925 гг., наряду со многими другими мероприятиями властей (поддержкой репатриации казаков, амнистией репатриантов, созданием территориальных воинских частей и др.) в течение рассматриваемого десятилетия, дают основания говорить об определенной усеченности социально-классовой практики рассказачивания в 1920-е годы. Привлекаемые в статье социально-демографические статистические данные по периоду второй половины 1920-х гг., обобщаемые по квотной (локальной) репрезентативной выборке, свидетельствуют об отсутствии отрицательной динамики численности населения, в том числе казачьего, что позволяет сделать вывод о неприменении массовых практик властного красного террора и геноцида по отношению к казачеству в обозначенный отрезок времени, а, соответственно, проведения большевиками масштабного рассказачивания. Исторически рассказачивание уходит корнями в XIX в. и не является исключительной политикой советской власти, причем в этом сложном процессе существуют четыре основных стороны: политическая, социальная, экономическая и духовно-корпоративная, что требует сегодня проведения дополнительных исследований поставленной научной проблемы.

Ключевые слова: большевики, казачество, население, рассказачивание, сельсовет, слобода, станица, хутор.

Цитирование. Скорик А. П. Рассказачивание как политика и социальный процесс на Дону в 1920-е годы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2019. – Т. 24, № 4. – С. 102–113. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.4.9>

Введение. Проблематика рассказачивания сегодня превратилась из исторически сложной и недостаточно исследованной темы в политическую конъюнктуру и даже более того – в проверочный тест на личностную лояльность исследователя к казачеству («Так Вы признаете геноцид казачьего народа?!»). Какое бы то ни было отрицание рассказачивания, хоть частичное, сразу же воспринимается в штыки, и ничего слышать не хотят от тебя, если начинаешь делиться своими сомнениями по поводу отдельных исторических сюжетов. Дальше все больше и больше, уже запущена в качестве понятийного тождества связь рассказачивания с геноцидом казачества, то есть результат рассказачивания оказывается заранее известным – он выражается в осуществлении геноцида казачества. На такую однолинейность исторических трактовок отреагировал в своей рецензии на монографию Н.Н. Лысенко о геноциде казачества [12] известный ростовский исследователь А.В. Венков [3], стремясь по достоинству оценить громадную проделанную работу и весьма критично указать автору на допущенные им просчеты. Действительно, если раньше в условиях явной недостаточности информационной платформы для анализа политики

рассказачивания убедить общественность стремились хотя бы двумя-тремя фактами, то в настоящее время зачастую все чаще и чаще оказывается достаточно политической риторики, ведь ключевые события общеизвестны широкой аудитории. Нас откровенно пугает нежелание даже части профессиональных исследователей разобраться в исторических деталях, глубже вникнуть в историю непростого вопроса, отойти от однолинейного восприятия социального процесса рассказачивания, когда только лишь советский период истории полностью или частично подается как рассказачивание. Факт принятия и содержание директивы о рассказачивании (письмо Оргбюро ЦК РКП(б) от 24 января 1919 г.) служат основанием для экстраполяции этого исторического негатива и действительно трагического сюжета из истории казачества по крайней мере на два последующих десятилетия: «Политика рассказачивания, начатая большевиками в 1919 году, не завершится ни в 20-е, ни в 30-е годы XX века. Казаков вычеркивали из жизни уже не российского, а советского народа» [27, с. 22]. Однако здесь не все так жестко и однозначно, особенно по отношению к периоду 1920-х гг., о чем и пойдет речь в данной статье.

Методы и материалы. Сразу же заметим: мы по определению ни в коей мере не собираемся отрицать историческую реальность политики рассказывания. Вместе с тем считаем правомерным отказаться от однолинейной интерпретационной практики, от презюмирования исходной тотальности в понимании рассказывания, от пропаганды изначального комплекса вины советской власти за осуществление рассказывания. Привлекаемые факты, описания событий прошлого, статистические сведения позволяют четко расставить исторические акценты: в чем действительно виновата советская власть и в чем ответственна партия большевиков за проведение антиказачьей политики, в какие времена и на каких условиях велся поиск политического компромисса с казачеством той же советской властью и той же партией большевиков.

Сравнительно-исторический метод, концепт «новой локальной истории» позволяют отойти от историописания широкими мазками трагедийности истории казачества и установить реперные точки в противоречивости социального процесса рассказывания. К числу генерализующих моментов взаимодействия донского казачества и властных структур на протяжении периода 1920-х гг. следует отнести: активное стремление советской власти вернуть казаков из эмиграции в 1921–1924 гг., разработку и осуществление политики «лицом к казачеству» с конца 1924 г. по 1926 г., проведение военно-милиционной реформы и поддержку переменников, властное шефство над культурными хозяевами (средняками по статусу; образ Якова Лукича Островнова из «Поднятой целины»), попытку вовлечения казаков в проведение коллективизации 1929–1931 годов.

В научной литературе имеет хождение теория «латентного рассказывания» (скрытого, поскольку нет очевидных фактов), которую, в частности, отстаивает в ряде своих работ С.А. Кислицын, и ее фабула заключается в том, что в 1920-е гг. большевики избегали публичных антиказачьих акций, но на самом деле они как-то тайно делали все для того, чтобы искоренить казачество путем последовательного разрушения сословной консолидации и ликвидации самих казачьих сообществ [7; 8, с. 98–107; 9]. В адрес заговорщицкой версии рассказывания обоснованную критику уже

высказывал ряд авторов, в том числе такие известные исследователи, как Я.А. Перехов [17], П.Г. Чернопицкий [28, с. 84–88]. При этом наиболее развернутый и взвешенный критический анализ этой теории дали в своей монографии А.П. Скорик и Р.Г. Тикиджьян [24, с. 15–17, 36], хотя с нашей критикой С.А. Кислицын не согласен и настаивает на своей позиции скрытого рассказывания [10, с. 82].

Увы, массового, тотального рассказывания в 1920-е гг. не произошло, а казаки продолжали считать себя казаками и выделялись из общей массы населения, что, в частности, подтверждает обращение к материалам статистики на уровне сельских (хуторских и станичных) советов 1930 г., наряду с известными данными Всесоюзной переписи 1926 г., когда в Северо-Кавказском крае всего насчитывалось 2,1 млн донских, кубанских и терских казаков, или 32 % сельского населения. Сравнение данных за 1930 г. со сведениями «Списка населенных мест Северо-Кавказского края» за 1925 г. по конкретным сельсоветам (хуторским и станичным) не показывает значительной убыли населения и демонстрирует в подавляющем числе населенных пунктов прирост количества жителей именно в поселениях со значительной долей казачества, где оно традиционно проживало [13, с. 76; 25, с. 100–101, 102–103, 104–105, 124–125, 132–133, 134–135, 136–137].

Анализ. Следует различать исторический процесс рассказывания от многообразной политической практики рассказывания, связанной с вполне конкретными антиказачьими акциями, и такими антиказачьими акциями отличались не только органы советской власти и партия большевиков. В этом же ряду стоят действия войскового атамана П.Н. Краснова по политическому преследованию до 30 тыс. казачьих семей (по подсчетам П.А. Голуб), главы которых признали и перешли на сторону советской власти [4]. Безусловно, можно говорить об иных масштабах репрессивных мероприятий (поскольку П.А. Голуб, возможно, завышает цифры) и кратковременности красновского рассказывания, но совершенно отрицать его, закрывать глаза на эту сторону красновского правления нельзя, да и контекстуально инструкция об отношении к военнопленным, разработанная на основании приказа

№ 228 по ВВД от 28 января 1919 г. (с указаниями по расстрелам и отправке в концлагеря), весьма похожа на письмо Оргбюро ЦК РКП(б) от 24 января 1919 г. [2, с. 84–89].

Еще один пример. Позиция правительства Франции в 1921 г., когда эта якобы цивилизованная европейская страна отказалась от своих же обязательств по материально-финансовой поддержке русских беженцев и военный губернатор острова Лемнос, французский генерал А. Бруссо 25 марта 1921 г. приказом объявил прекращение помощи от имени правительства Франции. Казакам предложили или возвращаться обратно в Советскую Россию, или, наоборот, ехать в далекую Бразилию для последующего найма в качестве сельскохозяйственных рабочих, или же самим каким-то образом обеспечивать свое существование – и никаких более разумных вариантов социальной интеграции (социализации интернированных лиц) после эвакуации из Крыма французы так и не предложили, а в итоге сотнями казачьих могил покрылись далекие от России земли [21]. Да, повторимся, масштабность рассмотренных нами и иных подобных исторических сюжетов разная, но суть остается одна – заметное сокращение численности казачьего сообщества, что является прямым результатом рассказывания, в какой бы форме оно ни происходило.

При этом трудности восстановительного периода и нехватка рабочих рук в реальном секторе экономики, желание ослабить сплоченную оппозицию за рубежом (а казаки стремились сохранить в эмиграции свою военную организацию), наряду с другими причинами, заставили советскую власть предпринимать активные попытки вернуть вынужденных эмигрантов на историческую родину, в том числе подтолкнуть к реэмиграции рядовые массы казачества (тогда за границей оказались в общей сложности более 100 тыс. казаков из числа строевых частей, перемещенных лиц и гражданских беженцев). Официально политика репатриации продолжалась до середины 1920-х гг., и по мере налаживания дел в народном хозяйстве власти стали от подобных попыток отказываться, хотя нельзя не видеть стремления самих эмигрантских групп к консолидации и отчуждению от Советской России. В целом это и привело к

исчерпанию человеческих ресурсов для осуществления политики репатриации и ее прекращению в 1928 г. на западном направлении и в 1930–1931 гг. на восточном направлении. В результате за границей к 1929 г. пребывали не более 20 тыс. донских казаков [19, с. 111, 134–139].

Не вписывается в версию тотального рассказывания 1920-х гг. политика большевиков, получившая название «лицом к казачеству» и стартовавшая после апрельского (1925 г.) пленума ЦК РКП(б). Ее разработка началась по постановлению Оргбюро ЦК РКП(б) от 10 октября 1924 года. На октябрьском (1924 г.) пленуме партии создается комиссия ЦК РКП(б) по казачьему вопросу, ввиду медленного протекания процесса изживания сословной розни, что, по мнению А.В. Баранова, стало качественным шагом в изменении политического курса правящей партии в отношении казачества [1, с. 116]. Все мероприятия властей с конца 1924 г. по 1926 г. рассматриваются исследователем как «расширение» нэпа вместо привычного наименования политики «лицом к казачеству», и, действительно, содержание и масштаб сделанных уступок казачеству выходят далеко за рамки тактического изменения политической линии и свидетельствуют, на наш взгляд, о попытке заключения политического союза с казачеством, о чем также пишет Г.О. Мациевский [14, с. 115]. Ведь казаков стали целенаправленно привлекать в местные органы власти, Президиум ВЦИК решением от 26 января 1925 г. объявил амнистию репатриантам, восстанавливаются в правах до 40 % лишенцев, разрешается сдача земли в аренду сроком до 12 лет, законным признается найм батраков, создаются территориальные воинские части с привлечением казачества и т. д. В рамках политики «лицом к казачеству» в 1925 г. наблюдается резкий рост активности избирателей. Например, в Кубанском округе она поднимается в два с лишним раза до 37 %. На Юге России встревожились местные большевики, ибо, с одной стороны, «казак попер в советы, и у нас спрашивать не стал» [15, с. 145, 150]. С другой стороны, это произошло в результате складывания к 1925 г. системы «социально-политических и экономических мер по вовлечению казачества в советское строительство» [20, с. 108].

Апрельский (1925 г.) пленум ЦК РКП(б) провел обстоятельную дискуссию по «казацким проблемам» и принял специальную резолюцию «По вопросу о казачестве», что принято считать началом политики «лицом к казачеству». Большевикам с новыми инициативами было к кому обращаться. В местах традиционного проживания казачества, в 1925 г. казаки составляли значительную часть населения. Например, в 13 (из 17 во всем округе) казачьих волостях Хоперского округа Сталинградской губернии проживало 224 847 казаков (или 82,6 % населения). Местным донским казакам принадлежало 1 040 341 десятина земли (73,9 % земельных площадей). В нетрудовом пользовании по округу (естественно, в большей мере у казаков) находилось 136 677 десятин (9,7 %). В 17 (из 20) казачьих волостях Усть-Медведицкого округа насчитывалось 231 740 казаков (82,2 % населения). Казаки владели земельными участками общей площадью 1 531 878 десятин (82,5 % земельных угодий). В нетрудовом пользовании по округу числилось всего 108 903 десятины (5,8 % земельных площадей). В 9 (из 11) казачьих волостях 2-го Донского округа проживало 122 255 казаков (83,1 % населения). Казакам принадлежало 1 019 087 десятин (68,3 % земельных площадей). По округу в нетрудовом пользовании находилось 302 408 десятин (20,4 %) [5, л. 2]. Сталинградские большевики вообще считали, подчинявшуюся им губернию, кулацкой. Прочитируем дословно заведующего организационным отделом Царицынского губернского комитета РКП(б) Владимира Марковича Путнина, готовившего доклад о работе в деревне от имени комиссии к X губернской партийной конференции (проходившей 16–20 ноября 1924 года). Донское казачество у Путнина ассоциировалось именно с кулачеством: «В казачьих округах часто замечаем, что кулаки являются активными элементами деревни. Беднота не отстаёт и очень часто подпадает под влияние кулаков, потому что там ярко выражены старые бытовые отношения, атаманщина и т. д.» [18, л. 35 об.].

Активная фаза политики «лицом к казачеству» продолжалась в течение 1925–1926 гг., потом осуществлявшееся «оживление советов» завершилось и коммунисты вновь стали использовать привычные для них командно-

административные методы» [15, с. 170]. Однако говорить о повсеместном «выкашивании казачества», проведении активного раскачивания не приходится. Чтобы точно выяснить, насколько сохранился человеческий капитал казачества, возьмем в качестве примера конец 1920-х годов. В существующей научной литературе мы еще не встречали подобного анализа. Обычно авторы ограничиваются в лучшем случае обращением к материалам Всесоюзной переписи 1926 г., когда отдельно учитывались казаки. Проблема заключается в сложности поиска исторических источников с обобщающей статистикой по казачьей части населения региона, что отчасти подпитывало позицию исследователей, полагающих возможным признавать отсутствие информации о подсчете казаков утратой политического интереса властей к казачеству и переходом к осуществлению массовых репрессий, поскольку реальных фактов длительного социально-классового преследования советскими властными институтами многих отдельных казаков имеется предостаточно, о чем и нам приходилось неоднократно писать [22, с. 648; 23, с. 79–81].

По сводным данным Всесоюзной переписи 1926 г. сельское население Новочеркасского района составляло 34 428 чел., из них 18 023 казаков (8 193 казаков-мужчин, или 50,05 % от численности гендерной группы, и 9 830 казачек, или 54,43 % от численности гендерной группы), или в среднем по району 52,34 % [6, с. 4]. В 1930 г. в 104 поселениях 25 сельсоветов района проживало 82 008 чел., в том числе 59,4 % казаков (48 713 чел.) [13, с. 76]. Новочеркасский район в 1930 гг. по существу охватывал центральную часть бывшего Черкасского округа Области Войска Донского, то есть занимал преимущественно территории традиционного проживания донского казачества и был наиболее близок к центрам принятия управленческих решений, а, соответственно, подвергался и негативному властному давлению в первую очередь. Проследим ситуацию в 1925 г. и 1930 г. на примере конкретных сельсоветов именно тех территорий, где казаки жили испокон веков.

1. Ажиновский сельский совет. В 1925 г. этот сельсовет в Багаевском районе включал: хут. Ажинов и хут. Кудинов с общим населе-

нием 1 573 чел. [25, с. 100–101]. В 1930 г. в вышеназванных двух поселениях Ажиновского сельсовета Новочеркасского района всего проживало 2 110 чел., из них 1 673 казаков, или 79,3 % от общей численности населения двух хуторов [13, с. 76].

2. Арпачинский сельский совет. В 1925 г. он охватывал лишь хут. Арпачин в составе Багаевского района и насчитывал 2 900 чел. [25, с. 100–101]. В 1930 г. поселенческая структура сельсовета не изменилась, в хут. Арпачин Новочеркасского района жило 3 180 чел., из них 2 508 казаков, или 78,8 % от общей численности населения хутора [13, с. 76].

3. Багаевский сельский совет. В 1925 г. в этом сельсовете Багаевского района (слобода Багаевская и хут. Белянин) насчитывалось 4 289 жителей [25, с. 100–101]. В 1926 г. в Багаевском районе проживало 40 011 чел., в том числе 22 701 казак (10 065 казаков-мужчин, или 54,99 % гендерной группы, и 12 636 казачек, или 54,77 % гендерной группы), или 56,73 % от общей численности населения [6, с. 4]. Однако в 1929 г. район упразднили, а его территории отошли к Новочеркасскому и Мечетинскому районам. В 1930 г. Багаевский сельсовет включал 4 поселения с общим количеством 6 857 жителей, в том числе 5 624 казаков, или 82,0 % населения [13, с. 76].

4. Бессергеновский сельский совет. В 1925 г. в него входили бывшие станицы: слобода Бессергеновская и слобода Заплавская с общим населением 5 012 чел. [25, с. 132–133]. В 1930 г. Бессергеновский сельский совет Новочеркасского района включал 3 поселения с 5 640 жителями, в том числе 5 290 казаков, или 93,8 % населения [13, с. 76].

5. Грушевский сельский совет. В 1925 г. здесь действовал Тузловский сельсовет с поселениями: хут. Александровский, артель «Заря Светлого Труда», хут. Камышев (1-й квартал слободы Тузловской), артель «Кут», артель «Новоселовское поле», хут. Татарский, слобода (бывшая станица) Тузловская с населением 6 378 чел. [25, с. 136–137]. В 1930 г. в двух поселениях Грушевского сельсовета Новочеркасского района жило 5 430 чел., из них 4 719 казаков, или 86,9 % населения [13, с. 76].

6. Елкинский сельский совет. В 1925 г. он входил в состав Багаевского района и объединял: хут. Елкин, хут. Верхне-Янченков,

хут. Нижне-Янченков с общим населением 1 807 чел. [25, с. 102–103]. В 1930 г. в этих трех поселениях Новочеркасского района проживало 2 127 чел., из них 1 674 казаков, или 78,7 % населения [13, с. 76].

7. Каменно-Бродский сельский совет. В 1925 г. он являлся хут. Александровский Тузловского (Грушевского) сельсовета. В 1930 г. Каменно-Бродский сельсовет Новочеркасского района включал одно поселение, где жило 1 585 чел., из них 1 346 казаков, или 84,9 % населения [13, с. 76].

8. Красный сельский совет. В 1925 г. этот сельсовет Багаевского района объединял хут. Красный, хут. Голые Бугры, хут. Красно-Донской, хут. Тузлуков с населением 2 662 чел. [25, с. 102–103]. В 1930 г. в двух поселениях названного сельсовета Новочеркасского района проживали 2 920 чел., из них 2 637 казаков, или 90,3 % населения [13, с. 76].

9. Кривянский сельский совет. В 1925 г. он включал слободу (бывшую станицу) Кривянка, где проживало 6 146 чел. [25, с. 134–135]. В 1930 г. численность населения станицы несколько снизилась и составляла 5 997 чел., из них 5 595 казаков, или 93,3 % населения [13, с. 76]. Здесь надо учитывать близость города Новочеркаска, оттягивавшего часть жителей.

10. Мало-Западенский сельский совет. В 1925 г. власть этого сельсовета распространялась только на хут. Малая Западенка Багаевского района, где проживало 964 чел. [25, с. 102–103]. В 1930 г. в хуторе фиксировалось 1 210 жителей, из них 1 045 казаков, или 86,4 % населения [13, с. 76].

11. Манычский сельский совет. В 1925 г. этот сельсовет Багаевского района включал: слободу Манычская (бывшая станица), хут. Пустошкин, хут. Самодоровский, хут. Ус[ь]-ман с общим населением 3 561 чел. [25, с. 102–103]. В 1930 г. в 5 поселениях Манычского сельсовета Новочеркасского района фиксировалось 4 616 жителей, из них 3 624 казака, или 78,5 % населения [13, с. 76].

12. Свободинский сельский совет. В 1925 г. сельсовет входил в состав Багаевского района и ограничивался одним поселением – хут. Свобода (до 1917 г. – Платовка) с населением 1 365 чел. [25, с. 104–105]. В 1930 г. в хут. Свобода Новочеркасского района проживало

1 571 чел., из них 892 казака, или 56,8 % населения [13, с. 76].

13. Старочеркасский сельский совет. В 1925 г. сельсовет входил в состав Ростовского района и включал: станицу Старочеркасская, хут. Красно-Дворский, хут. Рыков (Рыбацкий) с населением 5 124 чел. [25, с. 124–125]. В 1926 г. станица Старо-Черкасская насчитывала 4 412 чел. (из них 3 689 казаков, или 83,6 % населения), в том числе: мужчин – 1 952 (из них 1 650 казаков, или 84,5 % гендерной группы) и женщин – 2 460 (из них 2039 казачек, или 82,89 % гендерной группы); хут. Краснодворский имел 439 жителей (из них – 395 казаков, или 89,98 % населения), в том числе мужчин – 201 (из них 182 казака, или 90,5 % гендерной группы) и женщин – 238 (из них 213 казачек, или 89,5 % гендерной группы); в хут. Рыков (Рыбацкий) жило 743 чел. (из них 696 казаков, или 93,67 % населения), в том числе мужчин – 359 (из них 349 казаков, или 97,2 % гендерной группы) и женщин – 384 (из них 347 казачек, или 90,36 % гендерной группы). В целом по сельсовету получалась следующая картина: 5 594 жителей (из них 4 780 казаков, или 85,45 % населения), в том числе мужчин – 2 512 (из них 2 181 казак, или 86,82 % гендерной группы) и женщин – 3 082 (из них – 2 599 казачек, или 84,33 % гендерной группы). В 1930 г. в 8 поселениях Старочеркасского сельсовета жило 7 690 чел., из них 6 752 казака, или 87,8 % населения [13, с. 76].

14. Федуловский сельский совет. В 1925 г. он состоял из хутора Федулов Багаевского района с населением 770 чел. [25, с. 104–105]. В 1930 г. в этом сельсовете Новочеркасского района фиксировалось 1 118 чел., из них 954 казака, или 85,3 % населения [13, с. 76].

Мы считаем, что с началом коллективизации региональные и местные власти в 1929 г. и 1930 г. надеялись на вовлечение бедняцко-средняцких масс казачества в колхозное строительство, и лишь не получив ожидаемой социальной поддержки от казачества под нажимом центрального руководства, в особенности специальной комиссии Л.М. Кагановича, подстегнули волну антиказачьих акций по южно-российским станицам и хуторам.

Обратимся к фактам, в частности к выступлению первого секретаря Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) А.А. Андреева на

бюро крайкома (11 апреля 1930 г.). Как подчеркивал Андрей Андреевич, «нельзя ли было бы казачью проблему поставить, выдвинуть ее так, чтобы казак почувствовал, что им интересуются, им кто[-]то занимается серьезно. Нельзя ли было бы пойти на такую меру, кроме прочих мер, которую Крайком намечает, пойти на то, чтобы 50 % председателей колхозов в казачьих районах было обеспечено за казаками, чтобы не менее 50 % председателей советов были казаки. Не верю я, чтобы в станице Уманской, или в Щербиновской [будущие «чернодосочные». – А. С.], или в Кисляковской и т. д., не верю, чтобы из количества 2 000–3 000 дворов не нашлось ни одного толкового казака, для того, чтобы быть председателем совета. Или мы не умеем искать, или еще что[-]нибудь. Вот это требование надо предъявить, поставить и через 1,5–2 месяца проверить, как кто выполнил. Иначе мы не [с]можем организовать советы и колхозы при таком положении вещей» [26, л. 16–17].

Это предложение партийного лидера закрепляется постановлением бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) «О работе среди казачьего населения Северного Кавказа» (26 апреля 1930 г.) [11, с. 295–298].

Другой важный документ – инструктивное письмо № 301/14/сс от 18 января 1931 г., направленное первым секретарем Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) Б.П. Шеболдаевым районному руководству о действиях в связи с предстоящей операцией по выселению «кулаков». В нем читаем: «Необходимо соблюдать строго-классовый подход при отборе хозяйств, подлежащих выселению, и в особенности необходимо осторожное отношение к казаку-средняку, бывшему рядовому участнику белого движения. С особой тщательностью нужно добиться полной очистки этих районов от кулацко-белогвардейского элемента из так называемого иногороднего населения, что особенно важно в связи с наличием попыток со стороны классово-враждебных элементов истолковать лозунг партии о ликвидации кулачества, как «ликвидации казачества», и мероприятия по выселению кулачества, как меру расказачивания» [16, л. 23]. Иначе говоря, проведение расказачивания с началом коллективизации региональные большевики не планировали, а, наоборот, хотели привлечь казачество к осуществлению коллективизации.

Возьмем низовой уровень. Можно ли говорить о массовом рассказывании на местах?! Мы обратили внимание на два существенных момента. Во-первых, на позицию советского руководства Новочеркасского района в отношении казачества. Она полностью коррелирует с позицией партийного руководства Северо-Кавказского края. Нет ни малейшего расхождения. Тот же социально-классовый подход, та же опора на бедняцко-средняцкие слои казачества, та же нацеленность на вовлечение казачества в колхозное строительство, та же ориентация на увеличение доли казачества в местных органах власти, на повышение политической активности казаков [13, с. 10, 11].

Во-вторых, мы отследили статистику на уровне хуторских поселений по двум ключевым точкам: 1925–1926 гг. и 1930 год. Не отмечается в центральной части бывшего Черкасского округа резкого падения доли казачьего населения. Практически везде здесь фиксируется существенный прирост жителей, хотя и отмечается переименование до 1925 г. ряда бывших станиц в слободы, от чего отказываются с началом политики «лицом к казачеству». Таким образом, в местах традиционного проживания казачества мы наблюдаем преобладание среди населения именно казаков, а не иногородних. И о каком же тотальном рассказывании или геноциде казаков в 1920-е гг. тогда можно говорить?!

Результаты. Рассказывание есть длительный исторический процесс, начало которого мы относим к пореформенному времени второй половины XIX в. (к 1917 г. казаки составляли 42,3 % населения Дона). А вот окончания у него просто нет, ибо и сегодня рассказывание продолжается. Оно выражается в утрате языка: исчезает донской говор из повседневной языковой практики коренного населения казачьих станиц; нет прочной хозяйственной основы для сохранения казачьего уклада жизни, далеко не все казаки готовы соблюдать казачьи обычаи и традиции, заметно снизилась активность казачьих обществ даже по сравнению с началом 2000-х гг., не говоря уже о начале 1990-х годов.

Что же касается политики советской власти и партии большевиков в отношении казачества в 1920-е – 1930-е гг., то в хронологическом порядке она напоминает своеобразные полити-

ческие качели: то власти ищут компромисс и даже социальную поддержку в лице казачества, то разворачивают политически ангажированное преследование казачества с проведением антиказачьих акций. И так продолжалось вплоть до начала Великой Отечественной войны. Но по сути политика советской власти и партии большевиков в отношении казачества всегда оставалась социально-классовой политикой.

Тем не менее два межвоенных десятилетия отличаются между собой, причем, хронологически и по содержанию они разные. Один период в политике по отношению к казачеству охватывает с 1920 по 1930 гг., а другой период – с 1931 по 1941 годы. Элементы исторического сходства, на наш взгляд, заключаются в разразившемся голоде в начале каждого из периодов (1921–1922 и 1932–1933 гг.) и попытке властей изменить направленность политического воздействия («лицом к казачеству» 1924–1926 гг. и «за советское казачество» 1936–1941 годы). Но и здесь имеются различия: причинно-следственные комплексы голода 1921–1922 гг. и голода 1932–1933 гг. носят разную природу, и воздействие на казачество было разным, как и его социальная реакция. Два поворота в середине двух десятилетий имели отличающиеся последствия и различную продолжительность, но оба они свидетельствуют именно в пользу отказа от представлений о тотальном рассказывании.

Рассказывание следует рассматривать как четыре отчасти параллельных и пересекающихся процесса: политический, социальный, экономический и духовно-корпоративный. Полагаем также, что объективно надо отказаться от тождественности понятийных смыслов рассказывания и геноцида, да и неправомерно связывать рассказывание только с советским периодом истории, хотя это никак не преуменьшает трагедийности части истории казачества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов, А. В. Политические настроения земледельцев казачьего Юга России в условиях «расширения» нэпа 1924–1926 гг. (по материалам информационных сводок ОГПУ) / А. В. Баранов // Новейшая история России. – 2013. – № 3. – С. 112–125.

2. Боранова, Г. Н. Лагерь смерти (о концентрационном лагере на территории города Азова в годы Гражданской войны) / Г. Н. Боранова // Донской временник. – 2009. – С. 84–89.

3. Венков, А. В. Геноцид, голодомор и другие ужасы в истории «казацкого народа» / А. В. Венков // Новое прошлое / The New Past. – 2018. – № 1. – С. 275–290.

4. Голуб, П. А. Правда и ложь о «расказачивании»: Беседа с обозревателем газеты «Правда» В. Кожемяко / П. А. Голуб // Правда. – 2009. – 25–28 сент. (№ 106).

5. Доклад об итогах и формах работы в казачьих округах губернии. Обзоры экономической, политической и бытовой жизни казачества 2-го Донского округа, Усть-Медведицкого и Хоперского округов [Сталинградской губернии]. 19 апреля 1924 г. – 23 марта 1925 г. // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИ ВО). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 112а.

6. Казачество Северо-Кавказского края. Итоги переписи населения 1926 г. – Ростов н/Д : [б. и.], 1928. – 99 с.

7. Кислицын, С. А. Государство и расказачивание. 1917 – 1945 гг. / С. А. Кислицын. – Ростов н/Д : Изд-во РГУ, 1996. – 48 с.

8. Кислицын, С. А. «Расказачивание» – стратегический курс большевистской политической элиты в 20-е гг. / С. А. Кислицын // Возрождение казачества: история и современность : сб. науч. ст. к V Всерос. (междунар.) науч. конф. – 2-е изд, испр. и доп. – Новочеркасск : НГТУ, 1995. – С. 98–107.

9. Кислицын, С. А. Указ и шашка: Политическая власть и донские казаки в первой половине XX века / С. А. Кислицын. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : ЛЕНАНД, 2015. – 360 с.

10. Кислицын, С. А. Феномен казачьей сословной квазигосударственности и его значение / С. А. Кислицын // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2016. – Т. 8, № 4/1. – С. 78–86.

11. Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927–1937 гг.) / под ред. П. В. Семернина, Е. Н. Осколкова. – Краснодар : Кн. изд-во, 1972. – 823 с.

12. Лысенко, Н. Н. Геноцид казаков в Советской России и СССР: 1918–1933 гг. Опыт этнополитического исследования / Н. Н. Лысенко. – Ростов н/Д : Альтаир, 2017. – 636 с.

13. Материалы к отчету [Новочеркасского] районного исполнительного комитета советов Р.[абочих,] К.[рестьянских,] К.[расноармейских] и К.[азачьих] депутатов на районном съезде Советов VII созыва (март 1929 г. – январь 1931 г.). – Новочеркасск : [б. и.], 1931. – 90 с.

14. Мациевский, Г. О. Государство и казачество в 20-е – 40-е гг. XX века / Г. О. Мациевский // Исто-

рические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики : в 3-х ч. Ч. 2. – Тамбов : Грамота, 2011. – № 4 (10). – С. 114–117.

15. Панкова-Козочкина, Т. В. Казачье-крестьянское самоуправление эпохи нэпа: проблемы модернизации властных отношений на Юге России в 1920-е годы / Т. В. Панкова-Козочкина. – Новочеркасск : Лик, 2014. – 308 с.

16. Переписка [Северо-Кавказского крайкома ВКП(б)] о ходе коллективизации, о ликвидации кулачества как класса, о выселении кулацких семей, об укреплении колхозов и др. (особая папка). 27 января 1930 г. – 12 ноября 1931 г. // Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ РО). – Ф. 7. – Оп. 1. – Д. 1074.

17. Перехов, Я. А. Власть и казачество: поиск согласия (1920–1926 гг.) / Я. А. Перехов. – Ростов н/Д : Изд-во РГУ, 1997. – 178 с.

18. Протокол X [Царицынской] губернской партийной конференции и материалы к нему // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИ ВО). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 111.

19. Ратушняк, О. В. Казачье зарубежье как социально-исторический феномен: образование, структура, проблемы общественно-политической, социально-экономической и культурной жизни (1920–1960-е гг.) : дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Ратушняк Олег Валерьевич. – Краснодар, 2017. – 533 с.

20. Рвачева, О. В. Социально-политические настроения донского казачества в первой половине 1920-х годов / О. В. Рвачева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2017. – Т. 22, № 1. – С. 99–111. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.1.10>.

21. Рытченков, С. 259 дней Лемносского сидения / С. Рытченков. – Париж : [б. и.], 1933. – 153 с.

22. Скорик, А. П. Милютинский казачий юрт: опыт исторической реконструкции / А. П. Скорик. – Новочеркасск : Лик, 2015. – 118 с.

23. Скорик, А. П. Последствия Гражданской войны на Юге России: социально-антропологические аспекты / А. П. Скорик // Войны и вооруженные конфликты на юге России в социально-демографической и историко-антропологической ретроспективе. Материалы круглого стола (г. Ростов н/Д, 26 сент. 2017 г.) / отв. ред. Е. Ф. Кринко. – Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2017. – С. 69–87.

24. Скорик, А. П. Донцы в 1920-х годах: очерки истории / А. П. Скорик, Р. Г. Тикиджян. – Ростов н/Д : Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2010. – 244 с.

25. Список населенных мест Северо-Кавказского края. – Ростов н/Д : [б. и.], 1925. – 640 с.

26. Стенограмма выступления А. А. Андреева на бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) «Об

усилении темпа сева и укреплении колхозов на Северном Кавказе» (11 апреля 1930 г.) // ЦДНИ РО. – Ф. 7. – Оп. 1. – Д. 995.

27. Чайкин, Т. К. Символизм изгнания донских казаков в контексте большевистской политики расказачивания / Т. К. Чайкин // Архонт. – 2019. – № 1 (10). – С. 21–25.

28. Чернопицкий, П. Г. Советская власть и казачество / П. Г. Чернопицкий // Проблемы казачьего возрождения : сб. науч. ст. Ч. 2. – Ростов н/Д : Изд-во РГУ, 1996. – С. 84–88.

REFERENCES

1. Baranov A.V. Politicheskie nastroyeniya zemledeltsev kazachyego Yuga Rossii v usloviyakh «rasshireniya» nera 1924–1926 gg. (po materialam informatsionnykh svodok OGPU) [Political Sentiments of Farmers of the Cossack South of Russia in the Conditions of the “Expansion” of the New Economic Policy of 1924–1926. (Based on Information Reports of the All-Union State Political Administration)]. *Noveyshaya istoriya Rossii* [Modern History of Russia], 2013, no. 3, pp. 112-125.

2. Boranova G.N. Lager smerti (o kontsentratsionnom lagere na territorii goroda Azova v gody Grazhdanskoj vojny) [Death Camp (About the Concentration Camp on the Territory of Azov City During the Civil War)]. *Donskoy vremennik*, 2009, pp. 84-89.

3. Venkov A.V. Genotsid, golodomor i drugie uzhasy v istorii «kazatskogo naroda» [Genocide, Holodomor and Other Horrors in the History of the “Cossack People”]. *The New Past*, 2018, no. 1, pp. 275-290.

4. Golub P.A. Pravda i lozh o «raskazachivanii»: Beseda s obozrevatelem gazety «Pravda» V. Kozhemyako [Truth and Lies About “Decossackization”. Interview with Columnist of “Pravda” Newspaper Vladimir Kozhemyako]. *Pravda*, 2009, September 25–28, no. 106.

5. Doklad ob itogakh i formakh raboty v kazachyikh okrugakh gubernii. Obzory ekonomicheskoy, politicheskoy i bytovoy zhizni kazachestva 2-go Donskogo okruga, Ust-Medveditskogo i Khoperskogo okrugov [Stalingradskoy gubernii]. 19 aprelya 1924 g. – 23 marta 1925 g. [Report on the Results and Forms of Work in the Cossack Districts of the Province. Surveys of Economic, Political, and Everyday Life of the Cossacks of the 2nd Don District, Ust-Medveditsky and Khopersky Districts [Of Stalingrad Province]. April 19, 1924 – March 23, 1925]. *Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii Volgogradskoy oblasti (TSDNI VO)* [Documentation Centre of Modern History of Volgograd Region], F. 1, Op. 1, D. 112a.

6. *Kazachestvo Severo-Kavkazskogo kraja. Itogi perepisi naseleniya 1926 g.* [The Cossacks of the North Caucasus Region. The Results of the Census of 1926]. Rostov-on-Don, 1928. 99 p.

7. Kislitsyn S.A. *Gosudarstvo i raskazachivanie. 1917–1945 gg.* [State and Decossackization. 1917–1945]. Rostov-on-Don, Izd-vo RGU, 1996. 48 p.

8. Kislitsyn S.A. «Raskazachivanie» – strategicheskiy kurs bolshevistskoy politicheskoy elity v 20-e gg. [“Decossackization” – Strategic Course of the Bolshevik Political Elite in the 20s]. *Vozrozhdeniye kazachestva: istoriya i sovremennost: sbornik nauchnykh statey k V Vserossiyskoy (mezhdunarodnoy) nauchnoy konferentsii* [Revival of the Cossacks: Past and Present. Collection of Scientific Articles for the 5th All-Russian (International) Scientific Conference]. Novochechensk, NGTU, 1995, pp. 98-107.

9. Kislitsyn S.A. *Ukaz i shashka: Politicheskaya vlast i donskiy kazaki v pervoy polovine XX veka* [Decree and Shashka. Political Power and Don Cossacks in the Early 20th Century]. Moscow, LENAND Publ., 2015. 360 p.

10. Kislitsyn S.A. Fenomen kazachyey soslovnoy kvazigosudarstvennosti i ego znachenie [Phenomenon of Cossack Class Quasi-Statehood and Its Importance]. *Istoricheskaya i sotsialno-obrazovatel'naya mysl* [Historical and Socio-Educational Thought], 2016, vol. 8, no. 4/1, pp. 78-86.

11. Semernin P.V., Oskolkov E.N., eds. *Kollektivizatsiya selskogo khozyaystva na Severnom Kavkaze (1927–1937 gg.)* [Collectivization of Agriculture in the North Caucasus (1927–1937)]. Krasnodar, Knizhnoe izdatelstvo, 1972. 823 p.

12. Lysenko N.N. *Genotsid kazakov v Sovetskoy Rossii i SSSR: 1918–1933 gg. Opyt etnopoliticheskogo issledovaniya* [The Cossack Genocide in Soviet Russia and the USSR: 1918–1933. Experience of Ethnopolitical Research]. Rostov-on-Don, Altair Publ., 2017. 636 p.

13. *Materialy k otchetu [Novochechenskogo] rayonnogo ispolnitelnogo komiteta sovetov R.[abochikh,] K.[restyanskikh,] K.[rasnoarmeyskikh] i K.[kazachyikh] deputatov na rayonnom syezde Sovetov VII sozyva (mart 1929 g. – yanvar 1931 g.)* [Report Materials of the Novochechensk District Executive Committee of Councils of Workers', Peasants', Cossacks' and Red Army Deputies at the District Congress of the 7th Convocation (March 1929 – January 1931)]. Novochechensk, 1931. 90 p.

14. Matsievskiy G.O. Gosudarstvo i kazachestvo v 20e–40e gg. XX veka [State and the Cossacks in the 20s–40s of the 20th Century]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. V 3-kh ch.*

Ch. 2 [Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Issues of Theory and Practice. In 3 Parts. Part 2]. Tambov, Gramota Publ., 2011, no. 4 (10), pp. 114-117.

15. Pankova-Kozochkina T.V. *Kazachye-krestyanskoe samoupravlenie epokhi nepa: problemy modernizatsii vlastnykh otnosheniy na Yuge Rossii v 1920-e gody* [Cossack-Peasant Self-Government of the NEP Era. Problems of Modernizing Power Relations in the South of Russia in the 1920s]. Novocherkassk, Lik Publ., 2014. 308 p.

16. Perepiska [Severo-Kavkazskogo kraykoma VKP(b)] o khode kollektivizatsii, o likvidatsii kulachestva kak klassa, o vyselenii kulatskikh semey, ob ukreplenii kolkhozov i dr. (osobaya papka). 27 yanvarya 1930 g. – 12 noyabrya 1931 g. [Correspondence [Of the North Caucasus Regional Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks)] on the Course of Collectivization, Elimination of the Kulaks as a Class, Eviction of Kulak Families, Strengthening Collective Farms, etc. (Special Folder). January 27, 1930–November 12, 1931]. *Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii Rostovskoy oblasti (TsDNIRO)* [Documentation Centre of Modern History of Rostov Region], F. 7, Op. 1, D. 1074.

17. Perekhov Ya.A. *Vlast i kazachestvo: poisk soglasiya (1920–1926 gg.)* [Power and the Cossacks. Search for Consent (1920–1926)]. Rostov-on-Don, Izd-vo RGU, 1997. 178 p.

18. Protokol X [Tsaritsynskoy] gubernskoy partiynoy konferentsii i materialy k nemu [Report of the 10th [Tsaritsyn] Provincial Party Conference and Its Materials]. *Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii Volgogradskoy oblasti (TSDNI VO)* [Documentation Centre of Modern History of Volgograd Region], F. 1, Op. 1, D. 111.

19. Ratushnyak O.V. *Kazachye zarubezhye kak sotsialno-istoricheskiy fenomen: obrazovanie, struktura, problemy obshchestvenno-politicheskoy, sotsialno-ekonomicheskoy i kulturnoy zhizni (1920–1960-e gg.): dis. ... d-ra ist. nauk* [Cossack Abroad as a Socio-Historical Phenomenon. Education, Structure, Problems of Socio-Political, Socio-Economic, and Cultural Life (1920–1960s). Dr. hist. sci. diss.]. Krasnodar, 2017. 533 p.

20. Rvacheva O.V. *Sotsialno-politicheskie nastroyeniya donskogo kazachestva v pervoy polovine 1920-kh godov* [Socio-Political Sentiments of the Don Cossacks in the First Half of the 1920s]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedeniye. Mezhdunarodnyye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State

University. History. Area Studies. International Relations], 2017, vol. 22, no. 1, pp. 99-111.

21. Rytchenkov S. *259 dney Lemnosskogo sideniya* [259 Days of Lemnos Sitting]. Paris, 1933. 153 p.

22. Skorik A.P. *Milyutinskiy kazachiy yurt: opyt istoricheskoy rekonstruktsii* [Milyutinsky Cossack Yurt. Experience of Historical Reconstruction]. Novocherkassk, Lik Publ., 2015. 1184 p.

23. Skorik A.P. *Posledstviya Grazhdanskoy voyny na Yuge Rossii: sotsialno-antropologicheskie aspekty* [Consequences of the Civil War in the South of Russia. Socio-Anthropological Aspects]. Krinko E.F., ed. *Voyny i vooruzhennyye konflikty na yuge Rossii v sotsialno-demograficheskoy i istoriko-antropologicheskoy retrospektive. Materialy kruglogo stola (g. Rostov n/D., 26 sentyabrya 2017 g.)* [Wars and Armed Conflicts in the South of Russia in the Socio-Demographic and Historical-Anthropological Retrospective. Materials of the Round Table (Rostov-on-Don, September 26, 2017)]. Rostov-on-Don, Izd-vo YuNTs RAN, 2017, pp. 69-87.

24. Skorik A.P., Tikidzhyan R.G. *Dontsy v 1920-kh godakh: ocherki istorii* [Dontsy in the 1920s. Essays on History]. Rostov-on-Don, Izd-vo SKNTs VSh YuFU, 2010. 244 p.

25. *Spisok naselennykh mest Severo-Kavkazskogo kraya* [List of Populated Areas of the North Caucasus Region]. Rostov-on-Don, 1925. 640 p.

26. Stenogramma vystupleniya A.A. Andreeva na byuro Severo-Kavkazskogo kraykoma VKP(b) «Ob usilenii tempa seva i ukreplenii kolkhozov na Severnom Kavkaze» (11 aprelya 1930 g.). [Shorthand Transcript of A.A. Andreev's Speech at the Bureau of the North Caucasus Regional Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) "On Intensifying the Pace of Sowing and Strengthening Collective Farms in the North Caucasus" (April 11, 1930)]. *Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii Rostovskoy oblasti (TsDNIRO)* [Documentation Centre of Modern History of Rostov Region], F. 7, Op. 1, D. 995.

27. Chaykin T.K. *Simvolizm izgnaniya donskikh kazakov v kontekste bolshevistskoy politiki raskazachivaniya* [Symbolism of the Exile of the Don Cossacks in the Context of the Bolshevik Decossackization Policy]. *Arkhot*, 2019, no. 1 (10), pp. 21-25.

28. Chernopitskiy P.G. *Sovetskaya vlast i kazachestvo* [Soviet Power and the Cossacks]. *Problemy kazachyego vozrozhdeniya: sb. nauch. st. Ch. 2* [Problems of the Cossack Revival. Collection of Scientific Articles. Part 2]. Rostov-on-Don, Izd-vo RGU, 1996, pp. 84-88.

Information about the Author

Alexander P. Skorik, Doctor of Sciences (History), Doctor of Sciences (Philosophy), Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Professor, Department of Law, Philosophy and History, Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Prosveshcheniya St., 132, 346428 Novocherkassk, Russian Federation, s_a_p@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1283-8137>

Информация об авторе

Александр Павлович Скорик, доктор исторических наук, доктор философских наук, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры юриспруденции, философии и истории, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М.И. Платова, ул. Просвещения, 132, 346428 г. Новочеркасск, Российская Федерация, s_a_p@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1283-8137>